

УДК 811.161.1'28:[81'373.233:316.344.7]
ББК Ш100.3

Т.В. Леонтьева

**СОЦИАЛЬНЫЕ
МАРГИНАЛИИ
В КРЕСТЬЯНСКОЙ
ОБЩИНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ)***

Представлен опыт описания фрагмента языковой картины мира диалектоносителя. На материале русских народных говоров исследуются обозначения маргинальных слоев общества. Внимание уделяется семантическому и мотивационному анализу лексики. Выявлено, что язык фиксирует в качестве социальных маргиналий, с одной стороны, тех, кто принадлежит к категориям бедных, немощных, нетрудоспособных людей, с другой стороны, тех, кто социально отторгнут, поскольку ведет предосудительный образ жизни, совершает неблагоприятные поступки.

Ключевые слова: этнолингвистика, картина мира, русские народные говоры, общественное мнение, репутация, социальные маргиналии.

Леонтьева Татьяна Валерьевна – канд. филол. наук, докторант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета
Тел.: 8-908-907-89-99, 8(343)320-40-30
E-mail: leotanya@mail.ru

Экспрессивные обозначения человека побуждают к поиску основания данной кем-либо характеристики, поскольку он выявил бы систему значимых для человека жизненных ориентиров, ценностный ряд той культуры, к которой принадлежит автор высказывания.

Среди экспрессивов можно выделить социально обусловленные характеристики человека, которые указывают на ценность общественного мнения. К ним следует отнести, например, оценочные наименования уважающих, имеющих авторитет и неуважаемых, отторгаемых обществом людей: томск., кемер. *уважітельный* 'уважаемый' (*Матка тоже была уважітельная для людей для всех*) [СРГС, т. 5, с. 125], омск. (презрит.) *в́анька с м́анькой да колуп́ай с б́ратом* 'о никчёмных людях' (*А, это таки собрались Ванька с Манькой да Колупай с братом, невтаритетны ли чо ли.*) [ФСРГС, с. 22]. Кроме того, некоторые характеристики человека по принадлежности к какой-либо группе, сложившейся в данном микросоциуме, также включают в себя оценочный компонент, поскольку фиксируют отношение других членов сообщества к человеку или группе людей: перм. *голь да перетька* 'о том, кто крайне беден; бедность' (*Сами кол да ер да перетька, а людей промывают.*) [СРНГ, т. 26, с. 249].

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Одним словом, в лексике и фразеологии запечатлены представления о том, что в любом естественном коллективе есть лучшие и худшие. Оценки, имеющие социальную основу, предопределены типом общества, которое задает критерии оценки, релевантные в это время в этом коллективе, поэтому имеет значение ограничение исследуемого лексического материала одной подсистемой языка. Так, данные русских народных говоров позволяют реконструировать картину мира представителя традиционного общества.

В народной культуре мнение коллектива служит эталоном, по которому каждый сверяет собственные оценки: ряз. *худосла́вье* 'плохая репутация, дурное мнение' (*Накой ты мне нужен, худославье принимать.*) [Деул. сл., с. 590]. Член общины постоянно имеет в виду общественное мнение, способен воспроизвести общую для многих оценку человека, не отделяет свое мнение от общего, присоединяется к нему: перм. *чинить* 'уважать' (*Девку у нас в деревне не стали чинить. Сусиди начали поноситься, пошла косина.*) [СПГ, т. 2, с. 531]. Путем таких «присоединений» создается репутация человека. Этому понятию в народной среде соответствуют понятия «прослышка», «молва», «слава»: пск. *наложитъ сла́вушки* 'ославить' (*Много славушки наложат – нет защиты никакой.*) [ПОС, т. 20, с. 74].

В данной статье мы остановимся на обозначениях людей, не уважаемых обществом и образующих «социальные окраины». Предполагается, что по результатам семантического и мотивационного анализа диалектных языковых фактов можно реконструировать представления носителя народной культуры о маргинальных слоях крестьянской общины.

Дефиниции слов и их контекстные употребления позволяют провести реконструкцию образа худшего либо «ослабленного» представителя естественной группы, под которой в настоящих заметках понимается крестьянская община. Распределение материала по семантическим основаниям выявляет частные воплощения идеи социальной маргинальности, которые релевантны для носителя традиционной культуры.

Язык фиксирует в качестве социальных маргиналий, с одной стороны, людей, принадлежащих к низшим слоям общества, с другой стороны, людей, заслуживших неуважение предосудительными поступками.

1. Низшие слои общества – «социальное дно» – представлены бедняками, немощными и теми, кто не смог уехать жить из деревни в город.

Гольтьба. В обозначениях бедняков, построенных как именные сочетания с союзом *да*, парность передает, вероятно, идею недостатка, крайне малого количества, приобретая коннотацию «то, что не составляет труда перечесть»: костром. *кол да перетька*, горьк. *кол да ёр да перетька*, перм. *голь да перетька* 'о том, кто крайне беден; бедность' (*Сами кол да ер да перетька, а людей промывают.*) [СРНГ, т. 26, с. 249], волог. *кол да перетька* 'о тех, кто крайне беден' [СВГ, т. 7, с. 45]. В этих языковых фактах эксплуатируется образ палки, кола, который в русской языковой картине мира связывается с отсутствием своего двора, дома: новг. *от колá жить* 'начинать с нуля' (*Как вот приехали, от кола жить нача-*

ли, даже дома своего не было.) [СРГК, т. 2, с. 396], литер. *ни колá ни дворá* 'ничего нет' [ССРЛЯ, т. 3, с. 594]. Буквальное прочтение фразеологических обозначений бедняков – «кол да кол» либо «кол, да кол, да кол», поскольку слова, входящие в состав этих идиом, имеют близкие значения: диал. *перетьыка* 'кол изгороди' [СРНГ, т. 26, с. 248], петерб., новг. *ёра, ёра* 'вид березы, низкорослая береза' [СРНГ, т. 8, с. 363] и арх. *ёры* 'ветки кустарника' [СРНГ, т. 9, с. 37], др.-рус. *голь* 'ветка, gamus' [Срезневский, т. I, с. 546].

Вполне допустимо, что слова *голь* и *ёр* могут осознаваться носителем языка как характеристики человека, ср. *голь* (собират.) 'нищета, бедность, и самые бедняки' (*Голь перекатная*) [Даль, т. 1, с. 381], *ёра* 'беспутный, тунеядный человек, плут и мошенник, развратный шатун' [Даль, т. 1, с. 535], волог., арх., онеж. *ёра* 'проходимец, пройдоха, плут', пенз., твер. *ера* 'распутный, развратный, безнравственный человек' (*Ера кабацкая*) [СРНГ, т. 8, с. 363], простореч. и устар. *ёра* 'удалой, лихой человек; забияка' [ССРЛЯ, т. 3, с. 1269]. Однако синтаксические конструкции вида *У них в доме – голь да перетьыка* 'беднота' [Даль, т. 3, с. 93] подтверждают версию о том, что под *голью* и *ёрой* подразумевались первоначально, скорее, именно палки: «у кого-л. (в доме либо вместо дома) есть только кол и кол», т. е. «у кого-л. ничего нет».

Немощные, нетрудоспособное население. Коннотацию «негодный» закономерно приобретает обозначение «прослойки» немощных, нетрудоспособных людей (детей, стариков, больных): усть-вым. *голь да моль* 'самые маленькие, самые слабые и беззащитные люди' (*Отечественная война началась, на пристани остались голь да моль*) [Кобелева, с. 64], костр. *ошошь* 'социально незначимые, маргинальные слои населения' (*Косят-то взрослые, а потом отправляют нас – всю ошашь – к ночи: повернем сено, потом загребем и мечем стога; Ошашь – вся мелочь наша, вся мелузга – дети; Как ошошь – люди недорослые бегают, кто молодые.*) [ЛК ТЭ], ср. перм. *шошка* 'подростки' (*А шошка-то в войну работала на тяжёлой работе, ох, жалко их.*) [СПГ, т. 2, с. 559]. Этим языковым фактам не свойственны оттенки пренебрежительного отношения, презрительности.

Те, кто остался жить в деревне, не уехал в город. Типичным диалектным контекстом является высказывание вида «В деревне осталась только...»: перм. *тютя да ляпа* (*Ноне только тютя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мало-мало грамотной, дак в город уходит.*) [СПГ, 2, с. 459]. Иногда такие контексты актуализируют оппозицию «местные – пришлые» (вариацию оппозиции «свои – чужие»): *шехарда́* 'всякий сброд, люди из разных мест, разного статуса и т. п.' (*В деревне теперь собралась шехарда-то вся.*) [ЛК ТЭ].

Обозначения этих групп людей – бедняков, немощных, оставшихся жить в деревне содержат коннотации жалости, но не осуждения (за исключением обозначений пришлых, осевших в деревне асоциальных элементов). Показательно, что эти языковые единицы могут служить самоименованиями, т. е. говорящий может давать такие характеристики

не только другим, но и себе: *А мы бедные были, кол да перетька*. [СВГ, т. 7, с. 45].

2. Уже на уровне коннотаций отличаются от них обозначения людей, заслуживших неуважение предосудительными поступками: иркут., новосиб. *шарáбора* 'компания непорядочных, неприличных людей; сброд' [СРГС, т. 5, с. 324] и др. Такие языковые факты фиксируют концепт общественного мнения (репутации).

В ходе анализа лексикографических данных, в особенности имея дело с дефинициями высокой степени обобщения ('неуважаемый человек', 'неавторитетный', 'недостойный', 'непорядочный'), мы вынуждены обращаться к контекстам для того, чтобы выяснить вопрос о причине негативного отношения членов сообщества к человеку как объекту оценки.

Выясняется, к примеру, что коллективное осуждение вызывают воровство, пагубные привычки и распутство (супружеские измены), пустозвонство, распространение сплетен, неумение и нежелание работать, а также отход от традиций своей социальной группы.

Репутация непутевого человека – пьющего, гулящего: костр. *ошошь* 'представители «социального дна», маргинальные слои населения, сброд, шваль' (*Вся ошошь идет; Вся ошошь собралась, пьянчуги-те; Мужик-от всю ошошь собрал, всех шалав-то; Ошошь – никчемные люди, распущенные там, гулящие, пьющие, курящие.*) [ЛК ТЭ], казак.-некрас. *шаль* 'о непутевом человеке' (*Ана шаль, а иё жаль.*) [Сердюкова, с. 313], ленингр. *палестина* '(бранно)' (*Если непутной человек, дак звали его палестина, ругали так.*) [СРГК, т. 4, с. 376], костром. *тюха (да,) пантюха да колупай с братом* 'о морально разложившихся членах общества' [СРНГ, т. 25, с. 200], карел. *ошмётток* и *ошамётток* 'жалкий, опустившийся человек' [СРГК, т. 4, с. 359], яросл. *стообрóсовый* 'пустой, никчемный (о человеке)' и яросл. *стоерóсовый* 'неосновательный, несерьезный, пустой' [СРНГ, т. 41, с. 175–176], читин. *хитá* 'о плохом человеке' (*Он хита, мне его не надо. Что я с хитой делать-то буду. Хите ничего не доверять.*) [СРГС, т. 5, с. 210], костр. *шеварёшка* и *шиварёшка* 'ничего из себя не представляющий, пустой человек, обычно девочка, девушка' (*И шеварёшки – это девчонок называют, ругательство, невоспитанные, ничего из себя не представляющие. Да и вся семья – шеварёшки по сравнению с путными людьми; Шиварёшками девочек звали таких, подростков. Не вела сама себя по закону-то Божью, культурно-то не вела, выгibalась вся; Если женщина небольшого роста, а уж ей много годов, уже в возрасте, такие слова говорили, что не под стать своему возрасту, как шиварёшка.*) [ЛК ТЭ]. «Непутевость» состоит, по-видимому, в приобретении пагубной привычки употребления спиртного, в распутстве, легкомысленном поведении, невоспитанности, ср. печор. *всю (всякую) славу потерять* 'утратить уважение окружающих' (*Какой был мужик работящий, а пить стал, дак всю свою славу потерял; Вот беда, с пути сбилась баба, дак всяку славу потеряла.*) [ФСРГНП, 1, с. 153].

Репутация вора, разбойника, грабителя: омск. *замáранная ручка* ‘репутация вора’ (*Насчет этого, у его ручка замараная, он обязательно че-нибудь украдет.*) [СРНГ, 35, с. 283], томск. *причинный* ‘виновный; провинившийся; имеющий плохую репутацию’ (*Причинный человек – если он чего украдет; его нельзя ни на какую работу допускать.*) [СРГС, 4, с. 21], перм. *галёрка* ‘о людях, не имеющих веса, авторитета в обществе’ (*Надо убрать с окна, а то галёрка-то стащит.*) [СПГ, 1, с. 155].

В словаре М. И. Михельсона находим выражение *голь, шмоль, ноль и компания*, а также – *голь да шмоль* (*Прежде были разбойники, грабители да воры, люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компания аккордомъ плутуютъ.* – Н. С. Лѣсковъ, Мелочи Архьер. жизни. Русское тайнобрачiе; *Воруйте, батюшки, воруйте! Нынче по этой части свободно, потому вездѣ голь да шмоль завелась – какъ тутъ деньгамъ уцѣлѣть!* – Салтыковъ, Пестрыя письма) [Михельсон, с. 77], где четырехкомпонентный ряд слов включает в себя обозначения представителей «социального дна», ср. смол. *шмоль* ‘попрошайки, нищие’ [Сомов, с. 660], костр. *шмольник* ‘скупец, скряга и попрошайка’ [Даль, т. 4, с. 660].

Репутация болтуна, у которого слово расходится с делом, человека, который не исполняет обещаний, нарушает договоренности: карел. *крутяга* ‘непорядочный человек’ (*Крутяга, по-нашему, – это худой человек, которой слова не держит.*) [СРГК, т. 3, с. 38], ленингр. *ерунда* ‘о несерьезном, пустом, болтливом человеке’ (*Саша такой черненький, узколиченький, он поспокойнее, а Вася – ерунда такая, тыр-тыр-тыр, сто слов в минуту, таракта такой, балалайка бесструнная.*) [СРГК, т. 2, с. 28].

Репутация сплетника и сквернословия: перм. *вонь да болоть* ‘неодобрительно о людях малоуважаемых, незначительных’ (*У нас в селе старухи вонь да болоть – сплетничают, ругаются.*) [СПГ, т. 1, с. 117].

Репутация плохого работника и бездельника: бурят. *фóмка да ерёмка* ‘случайно собравшиеся неумелые люди, взявшиеся что-либо делать’ [СРГС, т. 5, с. 194], перм. *шйша да лóпа* ‘случайные, незначительные люди; сброд, пустословы’ (*У нас пекаря Шйша да Лóпа, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то; Бригадиры-те всё нехорошиё попадают, Шйша да Лóпа.*) [СПГ, т. 2, с. 554], омск., новосиб. *тюха да матюха, да колупай с братом* ‘кто попало, всякий сброд’ (*Собрались нехороши, бездельники, беспутные, непочётные, Тюха да Матюха, да Колупай с братом; А в комиссию-то попали тюха да матюха да колупай с братом.*) [ФСРГС, с. 200].

Репутация недостойного представителя своей социальной группы (субэтноса). Рассматриваемая устойчивая синтаксическая конструкция может служить осуждающе-презрительным обозначением людей, утративших традиции, устои, характерные черты своей социальной группы: казак.-некрас. *голь да перетыка* ‘о молодых казаках, не достигших мудрости старшего поколения’ (*Это разве казаки? Это голь да перетыка! Раньше были казаки!*) [СРНГ, т. 26, с. 249] (ср. другое определение

при том же контексте: казак.-некрас. *голь да перетька* 'пренебрежительное название молодых казаков, якобы измельчавших по сравнению со старым поколением' [Сердюкова, с. 193]). Здесь подразумевается своеобразное «культурное отступничество», ослабленность социальных характеристик, неопределенность в настоящем, находящаяся в противоречии с определенностью социального статуса по происхождению.

Однако по некоторым контекстам, а также при отсутствии в словаре примера словоупотребления не всегда возможно восстановить речевую ситуацию в объеме, достаточном для полноценного семантического анализа слова. Можно лишь утверждать, что такие языковые факты выполняют функцию негативного маркера: перм. *галёрка* 'о людях, не имеющих веса, авторитета в обществе' (*Мы галёрка, какой с нас спрос, ничего не знаем; Есть такие – галёрка, пустяшный человек, он не народной.*) [СПГ, 1, с. 155], омск. (презрит.) *чёрт бёлого свету* 'недостойный человек' (*Откэда ён приехал? Чёрт бёлого свету, проходимец.*) [ФСРС, с. 217], читин. *хита* 'о плохом человеке' (*Он хита, мне его не надо. Что я с хитой делать-то буду. Хите ничего не доверит.*) [СРС, т. 5, с. 210], новг. *шáвань*, новг., твер., курск. *шáвель*, тул. *шáверень* 'шваль, сброд, сволочь, ничтожный, дрянной люд' [Даль, т. 4, с. 637], *шваль* (собр.) 'шушваль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка' [Даль, т. 4, с. 644], *шушера, шушерь, шушель* (собр.) 'сброд, сволочь люда, шушваль, дрянной люд' (*Такая шушера сошлась, что не знаешь, куда отвернуться.*) [Даль, т. 4, с. 670], тобол. *ши́хоботь*, олон. *ши́хворость* 'сброд, шваль, шушваль, шижголь, сволочь' [Даль, т. 4, с. 656], вост., перм. *ши́шара, ши́ша*, калуж. *ши́жголь* 'народ, сброд, сволочь, шихоботь, шваль, шушваль; голь перекатная, бедняк, или шатун, лентяй' [Даль, т. 4, с. 656]. Использование фоносемантических ресурсов языка – экспрессивных звукосочетаний – активизирует негативные коннотации языковых фактов рассматриваемой группы.

Среди них большую группу образуют фразеосочетания вида «кто-л. да кто-л.», имеющие семантику собирательности: костр. *шóша да барабóша* 'сброд, никчемные люди' (*Ни на что негодных людей называла мама так, скажет: собралися шоша да барабоша.*) [ЛК ТЭ], олон., костром, горьк. *кол да перетька* и костром. *шваль да подбирало* '(пренебр.) непорядочные люди; всякий сброд' (*У нас ведь родня-то шваль да подбирало, оторви да брось, кол да перетька.*) [СРНГ, т. 26, с. 249], перм. *хай да мага́й* 'малоуважаемые люди, сброд' (*Я этъ не хай-магай, у меня всё путём*) [СПГ, т. 2, с. 494], перм., урал. *шиша да лопа* 'о глупых людях с нравственными пороками' [СРНГ, т. 17, с. 130], перм. *Шиша да Агаша, третья – Палаша* 'малопочитаемые люди' (*Кто у тебя сёдни был в гостях-то? – А-а, Шиша да Агаша, третья Палаша; Никого уж в деревне-то нет, остались только Шиша да Агаша, да ишо третья Палаша.*) [СПГ, т. 2, с. 554]. Возможно, это же значение имеет олон. *кол да перетька, шемаха да заика* (в словаре значение не указано) [СРНГ, т. 26, с. 249]. Сброд противопоставлен «добрым людям», ср. контекст к хакас.

Шоша да Ероша 'всякий сброд' (*Собрались Шоша да Ероша, добрый человек туда не сунется.*) [СРГС, т. 5, с. 360].

При лексикографировании подобных выражений в дефиницию во многих случаях включаются слова *сброд*, *шваль*, которые в современном толковом словаре определяются следующим образом: литер. *сброд* '(устар.) группа случайно собравшихся людей, толпа, разнородная по составу', '(разг.) о негодных, ничтожных людях; подонки (с оттенком пренебрежения, презрения)', '(разг.) беспорядочное, случайное соединение, сочетание чего-л.' (*[Письмо] было наполнено таким сбродом противоположностей, что я сначала почти ничего и не понял.* – Дост. «Село Степанчиково») [ССРЛЯ, т. 13, с. 247]; простореч. *шваль* 'негодная, дрянная вещь' (*Выкинуть шваль*), 'о худой лошади, корове и т. п.', 'о презренном, ничтожном человеке' [ССРЛЯ, т. 17, с. 1313]. Общая для них сема – 'негодный'.

Семантика плохого, негодного воплощается во внутренней форме слов, буквальное основание фразеологизмов рассматриваемой группы.

Популярна регулярная семантическая модель «негодная вещь, мусор → неуважаемые люди, сброд». Слова *шавань*, *шаверень*, *шушера*, *хита*, *ошошь*, служащие обозначениями сброда, неуважаемых в обществе людей, являются вторичными номинациями, называющими в своих первичных значениях мусор, старые ненужные вещи, отходы: читин. *хита* 'о плохой вещи' [СРГС, т. 5, с. 210], *шавань* и *шаверень* 'иногда о вещах' (плохих, негодных) [Даль, т. 4, с. 637], *шушера*, *шушерь*, *шушель* (собр.) 'шухоборь, шарабарщина, всякая дрянь, плохие, ветхие пожитки' (*Шушера, мякина да сору половина.*) [Даль, т. 4, с. 670], костр. *ошошь* 'о непригодных для обработки, сучковатых деревьях' (*Лес рубят, да одни сучки, скажут – одна ошошь, брось рубить.*), 'лесной мусор' (*В лесу это ошошь такая – разны ветки, кора на ветках бывает, как мох.*), 'малопригодные остатки чего-либо, дрянь' (*Ну, например, дрова несут худые – «Всю ошошь ты собрал да принес»; Грибы, например, перебирала, одни хорошие, другие не очень, ошошь – это уже не очень, но в дело идет; Ошашь – дребедень разна брошена, на свалку только, тряпки всякие, еще что бесполезное.*) [ЛК ТЭ], ср.: М. Фасмер объясняет вят. *ошошь* 'мусор, отходы' как появившееся из *осошь в результате ассимиляции, поскольку цслав. *осошити* 'обрубать сучья', т. е. 'то, что обрубается при отесывании дерева' [Фасмер, III, с. 180].

У фразеосочетаний значение 'негодный' появляется также в результате сложения в их составе лексем, которые служат обозначениями людей с определенными «изъянами»: перм. *тютя* 'бестолковый увалень' (*Ванька-то ходит у нас – тютя, ничё ни к чему мужик.*) [СПГ, 2, с. 459], твер., новг. *лопа* 'обжора' [СРНГ, т. 17, с. 130], курган. *пантюха* 'о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке' [СРНГ, т. 25, с. 200], перм. *хай* 'хулиган' (*Ходит хай-то вон, хулиганит да пьёт.*) и перм. *хайм* 'непочтительный, грубый человек' (*Некоторые-то парни хаймы: пройдут – не поздороваются, да ишо и с ног чуть не сшибут.*) [СПГ, т. 2, с. 494]. Ср. также олон. *кол да перетька*, *шемаха да заика* (в словаре зна-

чение не указано) [СРНГ, 26, с. 249], где *шемаха да заика* – обозначение никчемных людей – бродяги (ср. диал. *шемехá* ‘шатун, бродяга, подворник’ [Даль, т. 4, с. 647]) и косноязычного человека.

Семантика негодного передается также посредством использования в составе фразеологизмов русских имен (*Шоша, Агаша, Ероха, Матюха* и др.), которые являются знаками-носителями определенного комплекса смыслов, возникающего из аттракционных притяжений или на базе прецедентного содержания, если речь идет о мифологическом персонаже.

Например, слово *шиша*, с одной стороны, обозначает бедняка, лентяя (вост., перм. *шиша* ‘голь перекатная, бедняк, или шатун, лентяй’ [Даль, т. 4, с. 656]), с другой стороны, может притягиваться к имени *Шиш*. Это персонаж народных сказок, ср. запись сказки в обработке Бориса Шергина – «Шишовы напасти»: «*Жили в соседях Шиш Московский да купец, Шиш отроду голой, у его двор полой, скота не было, и запирает некого... Именья у Шиша – для штей деревянный горшок да с табаком свиной рожок. Были липовых два котла, да сгорели дотла.*» [Шергин]. Обсуждаемое слово функционирует и как апеллятивная единица: вят. *шиш* ‘шатун, бродяга, шеромыга; вор’ [Даль, т. 4, с. 656].

Мотивационный анализ (в данной статье – лишь отдельных лексических и фразеологических единиц) выявляет значимость семы ‘негодный’ в тех обозначениях «социальных маргиналий», которые создаются и используются представителями традиционного общества, уже – крестьянской общины.

Наблюдения над способами лексического выражения идеи социальной маргинальности показали, что среди диалектных языковых фактов рассматриваемой семантической группы присутствуют и цельнооформленные лексемы, и фразеологические единицы, состав которых можно определить как сочинительное словосочетание, включающее в себя имена существительные, соединенные союзом *да*. В таких случаях синтаксическая структура воспроизводится неизменно, а ее лексическое наполнение варьируется: *кол да перетька, хай да магай, шваль да подбирало* и др. Значительная активность именных фразем (преимущественно двухкомпонентных) оправдана тем, что устойчивый однородный ряд служит идеальной формой для воплощения идеи множества. Большинство рассматриваемых слов и выражений обозначают не социальную прослойку, не класс общества, не относительно самостоятельное образование, имеющее внутренние связи и структуру, а неопределенное множество людей, совокупность разрозненных, растворенных в социуме человеческих единиц, поскольку люди проявляют сходные качества или совершают похожие поступки, осуждаемые другими членами общины.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981–1982. Репринт с изд. М., 1880–1882. Т. 1–4.

Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004. 312 с.

Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний); 2-е, пересмотр. и значительно пополненное изд. СПб., 1896. 598 с.

Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005. 320 с.

Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996. 764 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912. Т. I–III.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986–1987. Т. I–IV.

Шергин Б. В. Шишовы напасти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.boris-shergin.ru/?p=175> (Дата обращения 03.05.2011).

Принятые сокращения источников

Деул. сл. – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–2008. Вып. 1–20.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып.1–12.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

СРНГ – Словарь русских народных говоров : вып. 1–43 / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2010.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т: сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1–2.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1983. 232 с.